

ЕЛЕНА ГОРШУНОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ
В МИР
БА-ЦЗЫ

丙

18+

ОГОНЬ. НАЧАЛО.

Елена Горшунова

**Путешествие в мир ба-
цзы. Огонь. Начало**

«Автор»

2023

Горшунова Е.

Путешествие в мир ба-цзы. Огонь. Начало / Е. Горшунова —
«Автор», 2023

В наше время так много людей пытаются найти предназначение, проработать травмы, прокачать себя и узнать хотя бы часть собственной судьбы. Драгоценное время утекает сквозь пальцы, а воз, чаще всего, и ныне там. Древние китайские знания о судьбе человека позволяют прикоснуться к сакральной информации и по максимуму срезать путь, чтобы начать жить уже сегодня. Однако героиня книги всячески сопротивляется этому, мечтая вернуть дорогих людей, ушедших из жизни. Сложно отказаться, когда предлагают такую возможность... Приглашаю вас в незабываемое путешествие по судьбе человека и его удивительным способностям. Способностям создавать счастье или попадать в неприятности. За мной!

© Горшунова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие.	6
Часть первая. Не совсем понятная.	7
Глава 1.	7
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Часть вторая. Совсем непонятная.	21
Глава 1.	21
Глава 2.	30
Глава 3.	34
Глава 4.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Горшунова
Путешествие в мир ба-цзы. Огонь. Начало

#

Предисловие.

Можно ли изменить судьбу?

Здравствуй, уважаемый читатель!

Принцип триединства гласит, что есть часть нерушимая и фатальная. Небесная. Те буквы сложены в дорогу на страницах книги судьбы. Есть часть твёрдая, но подвижная. Земная. Те пути в твоих руках. А руки твои – в скрижали. Есть часть загадочная и не всем доступная. Человеческая. Те мысли, поступки и перемены, что внутри тебя.

Следуй за сердцем, слушай душу и непременно выйдешь на свою тропу.

А что, если идти по ней уже не будет сил? Что, если в попытках найти её – отдашь последнее? И чем ты готов пожертвовать ради спасения близких?

Часть первая. Не совсем понятная.

Глава 1.

– Ха-ха-ха! Хватит, я больше не могу! Сейчас лопну от смеха! – веселилась Наташка, держа руки за покрасневшие щеки.

– Ой, да ладно! Смех продлевает жизнь, – подмигнул Володька, подливая в пузатую коричневую кружку свежее молоко.

– Слушай, я уже забыла, когда в последний раз так смеялась. Спасибо тебе за это утро!

– Всегда пожалуйста! Знаешь, только ты могла придумать притащить в лес стеклянную посуду и столовые приборы. В моей фантазии пикник на рассвете выглядел гораздо скромнее.

– Люблю, когда вкусно и красиво, – просто сказала Наташка и откусила кусочек поджаренного хлеба с малиновым вареньем.

– Это у тебя так легко получается. А я, как чурбан неотёсанный, – серьёзно сказал Володя и неловко скомкал в руках салфетку.

– Да ты что? Немедленно прекрати обижать моего друга!

– Ладно, прекращаю! – весело согласился он и быстро перевернулся с живота на спину. Сочная зелень травы, на которую он пялился, в секунду превратилась в чернильное небо, что освещалось редкими сполохами света.

– Сегодня небо такое странное, скажи? Как будто кто-то раздавил банку чёрной гуаши и размазал дырявой тряпкой. Такие разводы чудные. И холод, просто жуть. – Наташка закуталась в колючее одеяло, села и подтянула колени к подбородку.

– Ага, – задумчиво сказал Вова, – рядом с тобой часто что-то странное происходит. Я уже перестал удивляться.

– Это плохо или хорошо?

– Не знаю, – он так резко встал, что опрокинул рукой молоко и липкие капли вмиг впитались в сухую землю.

– Держи свой огонь при себе, – засмеялась Ната и подняв бидон выпила остатки, касаясь губами холодного жестяного края.

– Я держу. Как могу держу! – расхохотался в ответ Вова, – вот только он не хочет меня слушаться.

– Ты не представляешь, как здорово с тобой говорить об этом. В последнее время я сама не своя.

– Да, заметил.

– Мне сны такие чудные приходят и я в них голоса разные слышу. Словно информацию передают. Так интересно, но ничего не понятно.

– Уверен, что придёт время и ты разберёшься в этом.

– Я не хочу ждать никакого времени, мне нужно сейчас, как ты не понимаешь, – Наташка подскочила, замахала руками и топнула ногой для солидности.

– Мне кажется, что у тебя этого твоего огня тоже много, – задумчиво сказал Володька и внимательно посмотрел на девочку.

– Он не мой. Он общий.

– Пусть так, – согласился парень, – я уверен, что просто огнём там дело не заканчивается.

– Какое дело?

– Ну то, которое тебе снится.

– Думаешь, что это какое-то дело?

– Походу да. А что ещё? – Вовка развёл руки и сморщился, как будто надкусил кислущий лимон.

– Что ты кривишься? – дёрнулась Наташка. – Пусть дело. И что?

– Да то, что вдруг оно опасно?

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю я ничего. Просто тошно стало и противно.

– Ну и ладно. Сама разберусь, без тебя. Не больно-то и хотелось, – Наташка быстро схватила зелёное одеяло в одну руку, кружку с вилками в другую, и прищурив глаза, зашипела. – Сама разберусь, сама, сама.

– Да пожалуйста, – надулся Вова, как пятилетка на детской площадке.

– Ну и всё.

– Ну и всё.

– Не повторяй за мной, – взвизгнула Наташка и зарывав, побежала прочь с поляны.

– Не повторяй за мной, – миролюбиво сказал парень ей вслед и плюхнулся на спину в ожидании первых солнечных лучей. Ветки дикой смородины качались от резких Наташкиных набегов и словно шептали на ветру: «Сама разберусь, сама».

– Сама она разберётся, – пробурчал Володька и стукнул кулаком по земле. – Ладно бы ерунда какая была, а то вся эта муть... Залезет опять чёрт знает куда. Голоса эти, огонь дурацкий... Что за мутотень, а?

Небольшая серая ворона с пронзительными глазами янтарного цвета, быстро подошла к его сумке и нахально вытащила обгрызанную половинку яблока.

– Бери, я не буду, – отмахнулся от неё парень так, словно птицы каждый день тырили у него еду. – Вот ты, можешь мне сказать, что это всё значит?

Ворона спрятала яблоко под крыло, как будто там у неё хранилась авоська с покупками, и медленно, с чисто птичьим достоинством, два раза негромко каркнула. Вовке в конце послышалось: «Зы».

– «Зы». Что «зы?» Лети уже отсюда, без тебя тошно.

Ворона нагло подмигнула ему и подцепив клювом ветку красного винограда, быстро скрылась из глаз. Парень ошалело покачал головой из стороны в сторону и медленно встал, потирая глаза.

– Пойду-ка я домой, пока кот учёный за гренками не пришёл и жизни меня учить не начал.

Продолжая ворчать, Володька собрал остатки еды и медленно побрёл по заросшей тропинке.

Его спины робко коснулись первые лучики солнца, тускло освещая полянку, на которой недавно разругались закадычные друзья. На ветке старого дуба сидела ворона и с наслаждением ела виноград, разглядывая примятый квадрат травы, где сидели ребята. Там, где разлилось молоко, у корней дерева, поднимался в небо небольшой дымок. Но никакого костра совершенно точно никто не разводил.

Ворона, доев сладкие ягоды, довольно облизнулась и повернулась своими пушистыми боками прямо к солнцу. Начинаясь первый июньский день 2001-го года.

Глава 2.

Наташка лежала на кровати и не открывая глаз чувствовала, как её собака сквасила свою очаровательную мордашку. Девочка боялась даже слегка вздохнуть, чтобы та не догадалась о сонной симуляции хозяйки. Стоит лишь едва шевельнуть рукой, как маленький бульдог юрко всунет туда поводок и потребует немедленной прогулки.

«Ещё пару минут», – думала Наташка. Мысли медленно ворочались с бока на бок, врежаясь в закоулки подсознания и намертво там застревая.

«Верни. Покажи огонь. Что за ним? К чему он?»

Но сколь сильно девочка не пыталась ухватиться за остатки образов, тем быстрее они растворялись в пространстве. Она помнила лишь странные обрывки слов про огонь и крысу на воде. Её воображение быстро представило маленького серого зверька, который отважно покорял океан верхом на картонке, сжимая в маленькой лапке крошечную свечу.

Картинка стала цветной и настолько реальной, что девочка в голос захохотала. Тут же на неё прыгнуло тяжёленькое тельце и разгорячённых щёк коснулся влажный язычок.

– Доброе утро, сейчас пойдём! – улыбнулась Наташка и крепко обняла собаку. – Люся, хватит, уймись уже.

Чёрные круглые глаза весело и внимательно смотрели на хозяйку. Девочка души не чаяла в собаке и любила её всем сердцем. Люсия Джессита Де Бенедикт Джосэ. Полное имя верного французского бульдога помнила лишь Наташка, когда все остальные называли коротко – Люська. Она была безумно похожа на человека. Храпела, как пьяный матрос и пела под гитару, словно молодая Мадонна. О, как Люська любила гитару! Они с Наташкой устраивали настоящие капустники на кухне. Девочка приносила маленький детский стульчик, на который довольно запрыгивала собачка. Сама она устраивалась рядом на табуретке и начинала играть Гребенщиковский «Золотой город». «Цой», «Нирвана», «ДДТ», «Сплин» – Люська обожала весь Наташкин репертур, мелодично выводя хрипловатым сопрано глубокие ноты.

– Пошли, пошли! – радостно крикнула девочка. Наспех расчесав пальцами волосы, натянула красный сарафан и белые кроссовки. Иногда казалось, что она и Люська похожи. Недаром говорят, что собака со временем становится копией своего хозяина. Или наоборот? Взгляд. Мимика. Способы добиться своего. И неважно, что было объектом, новая книга или пятый кусочек апельсинки. Кстати, оранжевые цитрусы они любили обе.

– Ого! – восторженно сказала девочка и, как завороченная, уставилась на небо. – Ты только посмотри!

Люська послушно задрала голову и вопросительно взглянула на хозяйку.

– Какое облако, а! Словно снежная королева тает в огне, а вокруг неё безмолвная стая птиц.

Собака села на землю и внимательно посмотрела на небо, силясь рассмотреть там только что придуманный Наташкой мультик. Девочка присела рядом на корточки и ткнула пальцем в пушистое облако.

– Смотри же. Вот голова. Вот с краешков строгой юбки стекают ледяные капли. Вот, прямо у ног королевы, бушует жаркое пламя. А это что? – задумчиво нахмурилась девочка. – Похоже на какую-то шипящую воду. Ого! Да это же сотня крыс! Они волной несутся из одной сказки в другую!

– Наташ, привет! – робко сказал Володька, плюхаясь в белых шортах прямо на сырую землю.

Люська радостно подбежала к нему, облизала руки и вскарабкалась на колени. Наташка хотела обидеться и назвать собаку предательницей, но быстро передумала. К тому же, волшебное настроение словно рассеяло недавнюю размолвку и злиться уже совершенно не хотелось.

– Привет, – улыбнулась девочка и быстро, пока облака оставались на месте, принялась показывать другу интересные картинки на небе.

– Ну у тебя и фантазия, – восхищённо протянул он и украдкой облегчённо выдохнул.

От этой девчонки никогда не знаешь, чего ждать. Вспыльчивая, характерная, язвительная. Но такая необыкновенная и противоречивая, что долго без неё он уже просто не мог. Порой она напоминала ему разноцветный фейерверк.

– Да причём тут фантазия! – вспыхнула она, словно подслушав его мысли, – неужели ты этого не видишь?

– Вижу, – кивнул он, – или нет. Слушай, а здесь вообще есть правильный ответ? – задорно улыбнулся он и они в голос расхохотались. Вот чего было не отнять в их союзе, так это веселья и выдумок.

– Вов, а мне ведь опять сон снился, – быстро переключилась Наташка.

– Про огонь?

– Про огонь, – кивнула она, – и там было что-то ещё про зверя и... и... – нахмурилась она, – не помню. Представляешь, не помню. Вот открыла глаза и наяву увидела тот образ, а сейчас всё снова, как в тумане.

– Может тебе попробовать перестать об этом думать? – серьёзно посмотрел вдаль Володька и потёр переносицу.

– Как это?

– Ну представь, что ты сильно хочешь забросить мяч в корзину. Думаешь об этом постоянно, волнуешься. Начинаешь вскакивать ночами с этими мыслями, теряешь аппетит. Только это постоянно держишь в голове. Как пить дать, ты его не забросишь.

– Почему это?

– Не знаю. Мне так кажется. Чем сильнее ты чего-то хочешь, тем меньше вероятностей, что это у тебя получится. Ай! – вскрикнул он от Наташкиного удара в лоб. – Ты чего дерёшься?

– А ты меня бесишь. И мне так захотелось треснуть тебя по лбу, что я об этом подумала немножко и сразу сделала. Чтобы точно получилось!

– Сумасшедшая, – заржал парень и сделал вид, что собирается уходить.

– Ладно тебе, не обижайся, – примирительно ткнула его в бок Наташка и резко встала.

– Что у тебя за телячьи нежности, – забурчал Вовка, – мне скоро кольчуга понадобится, чтобы с тобой гулять ходить.

– Ха-ха. Очень не смешно. Мне пора, зайдёшь вечером?

– Зайду.

– Ну пока.

Люська на прощание гавкнула и вильнула хвостом, а Наташка вздёрнула подбородок и прищурилась.

– Бабушкину книгу возьми с собой, – вдруг попросила она.

– Какую ещё книгу? – выпучил глаза Вовка.

– Она знает. Скажи, что мне надо.

Девочка повернулась и быстро побежала к дому. Собака на своих коротеньких лапках едва поспевала за ней.

Вовка удивлённо смотрел им вслед и думал: «Кто ты такая и как залетела в наш мир?»

Глава 3.

– Ба, Наташка книгу просила. Дай, пожалуйста, – лихо попросил Володька, на полном ходу залетая в комнату, едва успев поймать наворачнувшийся бордовый торшер с бархатными нитями на абажуре.

– Аккуратнее, бежишь, как оголтелый, – строго сказала бабушка. – У нас, Смирновых, дуралеев в роду не было.

– Значит я буду первый, – широко улыбнулся Вовка и обняв старушку, крепко поцеловал её в щёку. – Дай книгу!

– Какую? – вскинула брови Валерия Брониславовна.

– Она сказала, что ты знаешь какую, – развёл руками парень и провёл пальцами по голове, взлохматив волосы.

– Месяц Змеи идеален для первого знакомства, Огонь силён. Давно пора, – забормотала пожилая женщина и подъехала на инвалидной коляске к старинному книжному шкафу.

– Какой ещё змеи? – оторопел Володька.

– Водной. Скоро Лошадь Деревянная вступит в свои права.

– Не понял.

– Тебе и не надо. Меньше знаешь, лучше ешь, – щёлкнула его по носу бабушка и протянула толстую книгу в матовой чёрной обложке. Золотистые рифлёные буквы сияли на тёмном переплёте, словно яркий фонарь в ночных сумерках.

– «И-цзин», – вслух прочитал Вова. – Что это? Японская философия?

– Китайская книга перемен.

– А. Вот теперь мне всё понятно, – нервно хохотнул Володька.

– Тебе и не надо, – повторила бабушка, – передай Наташе и скажи, пусть зайдёт ко мне. Вода Огонь тушит, а Металл Дерево рубит. Я небрежно отнеслась и проворонила, вот и получила своё.

– Ба, ты о чём? – нахмурился парень.

– Всё, хватит. Я как лучше хочу, даже не пытай меня. Свинья Змею толкает, а Петух поможет. Так и передай. Слышишь? – занервничала Валерия Брониславовна.

– Слышу, слышу, – кивнул Володька, – передам.

А сам крепко-накрепко решил ничего не говорить подруге. С ума они совсем посходили. Ладно, ба. Она после аварии частенько странные штуки говорит, но Натке про это знать не надо. Вдруг совсем с катушек съедет? Змея, свинья... Что за бред? Вовка был уверен, что весь этот зоопарк как-то связан с Наташкиными снами и тем огнём, с которым она носилась, как с вышитой тибетейкой.

– Вот и хорошо. Помоги мне, солнышко, лечь хочу.

Вовка вдруг зарделся, поднял бабушку, как пушинку и бережно положил на кровать.

– Ты меня триста лет так не называла.

– Уж и триста! – ласково улыбнулась она.

– Я ведь вырос, какое я теперь солнышко, – забубнил Володька.

– Яркое и сильное. Даже слишком сильное, бойся воды, мой хороший.

– Чего ж мне её бояться?

– Опасна она для тебя, – сквозь зевок выговорила Валерия Брониславовна и прошептала, – иди уже, спать хочу, сил нет.

– Спи, спи, – торопливо сказал парень, и накрыв её серым одеялом вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

Зайдя к себе, первым делом он кинулся к тайнику. Ещё пару лет назад Володька разобрал часть досок на полу возле батареи, чтобы хранить там сокровища. Это только думается, что

всякие секретики бывают лишь у малышей. Неправда. Они у каждого человека могут быть, маленького или большого, неважно.

Вовка завернул книгу в белую наволочку и аккуратно положил на дно тайника, набросав сверху старых тряпок. Быстро вернул всё на свои места и вдруг уставился в окно. Прямо перед ним на подоконнике гордо вышагивала ворона. В клюве у неё был зажат черенок вишни, на котором болтались две круглые ягодки. Красные бока блестели на солнце спелыми искрами и у парня непроизвольно набрался полный рот слюны.

– Ты здесь откуда? – вырвалось у него.

– Кар-Кары, – важно ответила ворона, поймав вишню лапой. Тут же она отправила её прямо в рот, съела, и право слово, издала совершенно человеческий звук: «Ммм!»

– Вкусно тебе? – обалдело спросил парень.

– Кар-Зы! – сказала ворона и подмигнув ему, резко взмыла вверх, в долю секунды исчезая из вида.

«Что за чертовщина», – нахмурился Вовка, пытаясь рассмотреть в небе серую птицу. Он готов был поклясться, что именно она стырила у него яблоко и виноград на поляне.

«Так, давай рассуждать логически, – сказал он сам себе вслух. – Ворона точно не змея и не свинья. И уж тем более, она не вода и огонь. Значит, какая бы дикость сейчас не происходила, бояться тут нечего!» – подумал он и облегчённо вздохнул. Такие разговоры с собой Вовка устраивал редко, но каждый раз находил способ успокоить себя и других, если было необходимо.

– Игорян! – замахал он рукой. – Ты куда летишь?

– В карьер! – радостно завопил невысокий мальчишка, пытаясь подпрыгнуть и заглянуть в окно.

– А чего там? – свесился с подоконника Вовка и щёлкнул пацана по макушке.

– Эй, больно же.

– Было бы больнее, – сказал парень и показал ему громадную пчелу, зажатую между пальцев.

– Ого! А если б она меня цапнула?

– Как пить дать, цапнула бы, – кивнул Вовка, – подожди, я сейчас. Вместе пойдём.

Он заглянул к бабушке – спит. Быстро сполоснул лицо прохладной водой и выбежал во двор. Их девятиэтажка стояла особняком среди невысоких сталинок и смотрелась довольно странно. За все свои пятнадцать лет парень никак не мог привыкнуть, что живёт именно тут и нигде больше. Он быстро обогнул палисадник с кустами акации и подошёл к Игорю, который сидел на краю бордюра и что-то бормотал себе под нос.

– Если бы цапнула в голову... А если бы в глаз? А если аллергия? А если б я задыхаться начал? А кто бы меня тогда спас? Я ведь мог умереть... А ведь я и сейчас могу... А вдруг я под машину попаду? А вдруг упаду с обрыва? Голову расшибу...

– Иг, ты чего? – удивлённо уставился на него Володька.

– Ничего, – хмуро ответил он в ответ. – Катись ты своим карьером, а я домой пойду.

И ведь правда пошел. Быстро, не оборачиваясь. Ветер принёс обрывки фраз, которые он раскидывал за собой, словно зёрна кукурузы: «Эти мальчишки. Везде бы им залезть. Дома лучше сидеть. Кто нас сможет защитить?»

– Дурдом. Полный, – резюмировал Вовка и потрепал себя за волосы. – Что происходит-то? Все, как с катушек съехали. Ладно мои дамочки, к ним я почти привык. Но этот-то куда? И ворона ещё... Вот тебе и каникулы. Рассвет всего разочек встретили. Купаться не ходили, – начал он загибать пальцы, – в футбол не играли. На великах не гоняли. Дискач не устраивали. Барабаны и те забросил. Как на пенсии, ей-Богу. Вот же чёрт! – подскочил он и со всей дури треснул себя по лбу. – Я уже говорю их словечками, точно, заразная фигня.

– Эй, ребятня! – крикнул он стайке мальчишек, увлечённо рывшихся в колючих кустах дикой облепихи, – айда купаться!

– Урра! А то нас родители не пускают одних на речку, – наперебой загалтели они, – со старшеком точно можно, бежим!

И словно птичьим треугольником, Вовка в центре, как вожак, стая ребят направилась к Свистинке – мелкой речушке, где летом собиралась толпа народу из трёх районов.

Возле палисадника на бордюр тихо приземлилась ворона, держа в клюве небольшой спелый абрикос. С аппетитом съев его, она аккуратно выплюнула косточку и с достоинством каркнула: «Кар-Цзы. Кар-Ба. Кар—кар».

Глава 4.

– Вот ты мне скажи – это вообще реально? – серьёзно спрашивала Наташка у плаката Курта Кобейна. Молодой музыкант смотрел на неё грустным взглядом и девочка могла поклясться, что на дне его глаз она видела горечь и тоску.

– Дочь, ты сильно занята? – спросила мама заходя в комнату и вытирая руки красным кухонным полотенцем.

– Очень, – кивнула Натка, – с Куртом беседую.

– Жаль тебя отрывать от весьма интересного диалога, но есть одно важное дело.

– Ма, ну давай позже. Что у тебя за привычка постоянно отвлекать меня.

– Уж простите, мисс-самая-занятая, но у меня всего одна дочь. Была бы вас толпа девиц, другой разговор.

– Ой, нетушки, – сморщилась Наташка, – не надо нам тут никакой толпы девиц. Сама прекрасно справлюсь, что нужно делать?

– В магазин сходи, пожалуйста. Молоко, капуста, две морковки и коробок спичек. Запомнишь? – спросила мама, протягивая деньги.

– Запомню, – кивнула девочка, – будет борщ?

– Будет.

– Ура! Люська, пошли со мной, – крикнула Наташка, но маленькая собачка, увлечённо вжившаяся с резиновым ёжиком, даже ухом не повела.

– Что у тебя за привычка постоянно отвлекать собаку от важных дел? – со смехом сказала мама и они с дочкой в голос захохотали. – Вся в хозяйку!

– Похоже на то! Ладно, одна сгоняю.

– Нат, под ноги смотри, хорошо? – вдруг серьёзно сказала мама.

– Там ничего интересного всё равно нет, – запыхтела девочка, пытаясь распутать шнурки на кроссовках.

– Землю полезно видеть и чувствовать. Хотя бы иногда, – вздохнула мама, вернулась на кухню и загремела кастрюлями.

Наташка тут же прикрыла глаза и вся обратилась в слух. Она с детства любила эти звуки и мамину возню по дому. Как-то так получалось, что чем бы она ни занималась, всё получалось идеально и красиво. Наташкина мама умела сделать из ничего – великолепии. Навести уют даже в сарае, хотя на самом деле девочка ни разу не видела настоящих сараев. Дачный был не в счёт, потому что там идеальный порядок наводила бабушка. Она конечно была папиной мамой, но очень уж они с невесткой были похожи в этом плане. Хоть и протестовали от этого обе и считали, что слишком разные.

– Ты ещё не ушла? – удивлённо спросила мама, резко выходя в коридор.

– Да так, задумалась, – буркнула Наташка и быстро вышла в подъезд, громко хлопнув дверью.

Ну вот, опять. Каждый раз она говорила себе быть сдержанней и спокойней. Но внутри неё словно вспыхивала зажигалка и поджигала огромный стог сена, который начинал гореть со страшной силой. Девочка реально ощущала, как становятся раскалёнными не только щёки и ладони, но даже кости и волосы. Всё тело изнутри будто охватывало пламя, становилось трудно сидеть на месте и быть спокойной девочкой.

«Наверное вот так чувствовали себя ведьмы, которых сжигали на кострах, – думала Наташка, медленно ступая по кромке бордюра. – Хотя, если они были ведьмами, неужели они не знали, когда за ними придут и что случится? Зачем нужны такие способности, если ты не можешь предсказать свою гибель и спастись от неё?»

Крыльцо магазина неожиданно выросло прямо перед Наташкиными ногами, как будто назойливый мухомор после дождя. Красная крыша в белую крапинку придавала сходства с шапкой гриба, а стайка будущих первоклассников была похожа на группу трудолюбивых муравьёв и удачно вписывалась в только что придуманный мультик девочки.

– Эй, разойдитесь, Вовкина подруга идёт.

– Вон та, маленькая?

– Она самая, – загалдели ребята.

Девочка усмехнулась про себя и задрал подбородок повыше, зашла в магазин, пытаясь вспомнить всё, что сказала мама. «Так... Одна свекла, морковка, капуста и два коробка спичек. Какая я молодец!» – довольно улыбнулась она, вышла на улицу и разинув рот уставилась на небольшое облако. Оно было похоже на крошечный остров в центре океана, а прямо у берега копошился маленький крысёныш. Наташка нахмурилась, всё тело сжалось, как струна, лоб стал похож на стиральную доску, а дыхание судорожно сбилось.

«Где-то я это видела. Где же? Это что-то очень важное, кажется, что из моего сна. Ведь это...» – на этой мысли девочка запнулась о край небольшой ямки и плашмя грохнулась на землю.

– Ты не ушиблась? – наклонился незнакомый парень лет шестнадцати, помогая ей встать.

– Конечно ушиблась, – раздражённо сказала девочка, – не видел что ли, как я упала?

– Видел, – усмехнулся он, – поэтому и подошёл. Саша, – сказал он без перехода.

– Нет, Наташа, – ещё больше обозлилась она и нервно принялась отряхивать джинсы.

– Приятно познакомиться. Это я – Саша, – уголками глаз улыбался парень.

– А что ты всё время смеёшься? – скрыв смущение накинулась на него девочка. – Конечно, вот распластался бы тут сам, не так бы веселился, да?

– Хочешь проверим? – внимательно посмотрел он на неё и вдруг Наташка поняла, что уставилась на него, забыв дышать. Он был до жути похож на Курта, а на дне глаз плескалась похожая грусть и тоска.

– А ты откуда? Не видела тебя здесь раньше, – спросила девочка и украдкой ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон.

– А ты что, всех тут знаешь? – продолжал улыбаться парень, а девочка поняла, что именно в этот момент пожар внутри неё стихает. Такие ощущения были ей незнакомы и она ещё не поняла, нравится ей это или нет.

– Всех не всех, но тебя точно вижу в первый раз. Мне пора, увидимся, – поспешно сказала Наташка и не оборачиваясь побежала к своему дому. Ещё не хватало втрескаться в незнакомого парня, который как две капли воды похож на её кумира.

– Увидимся, – задумчиво сказал Сашка и потрогал себя за мочку уха.

Кожа была неожиданно горячей и он был уверен, что никогда раньше не испытывал ничего подобного. За пару минут рядом с этой девчонкой его всегда ледяные руки стали тёплыми. И даже глаза, как будто стали видеть чуть ярче. А может это просто проделки жаркого июньского дня? Сашка решил отложить эти вопросы, смешно встряхнул головой, словно бродачий пёс на прогулке, и направился к Вовкиной девятиэтажке.

Наташка, тем временем наблюдавшая за ним из-за угла своего дома, удивлённо щурилась: «Мало того, что он вылитый Курт, ещё и ходит, как собака. Словно в моём сне», – промелькнуло у неё в голове, но в каком сне и что именно там было про собаку, девочка не могла вспомнить, как ни старалась.

«У Вовки вечером узнаю, может он в курсе, что это за тип», – решила девочка и с спокойной душой побежала домой, мечтая о вкусном борще на обед и представляя, на что будет похож прохладный островок сметаны в глубокой тарелке.

Глава 5.

– Здравствуй, Вова. Проходи, она у себя, – приветливо улыбнулась Наташкина мама, открывая пошире входную дверь.

Вовка быстро разулся, невольно вжал голову в плечи и, осторожно повернув изогнутую ручку на двери, заглянул в комнату.

Наташка сидела в наушниках спиной к нему и что-то увлечённо писала в тетради, покачивая головой в такт «Нирваны». Вовка был готов поклясться, что даже отсюда слышит пронзительный голос Курта Кобейна. Он был далеко не его фанатом, но при девочке никогда не говорил ничего плохого. Парень помнил, как Наташка вспылила на своих одноклассников, дразнивших музыканта. Школьная швабра и пять глиняных горшков тоже помнили тот день.

– Хэй, хэй! – Вовка подошёл к девочке и присел рядом на стул.

– Что это ещё за хэй-хэй? – недовольно буркнула она, нажимая на плеере «стоп» и снимая наушники. – У тебя всё равно не получается, как у Курта.

– Я и не собирался. Просто поздоровался, – улыбнулся Вовка и внимательно посмотрел на Люську, которая пыталась забраться к нему на колени по джинсам, словно маленькая кошка по шторам. – Давай помогу! Вот так!

– А ты что такой довольный? – прищурилась девочка. – И где моя книга?

В ту же секунду Вовка макушкой почувал надвигающийся огненный ураган: «Что делать? Молчать? Кивать, как дурачок? Шутить? Сквасить горестную физиономию?»

– Что молчишь? – вспыхнула девочка и подскочила на месте.

– Думаю, – быстро сказал Вовка и мысленно смахнул пот со лба, выходя на верную тропу.

– О чём?

– О том, что каникулы начались, а мы ещё не были с тобой на речке, а? – подмигнул он ей.

Речка. Разумеется, Наташка бывала раньше на речке. И слово это слышала миллион тысяч раз. Но сейчас что-то изменилось. Неожиданно при этом наборе букв девочка почувствовала, как раздражение отступает. И даже ладони как будто стали чуточку прохладнее.

– Слушай, а ты видел нового парня у себя во дворе?

– Какого ещё нового парня?

– Саша зовут. Такой... светленький. – сказала девочка, решив умолчать об его сходстве с Куртом и в ту же секунду поняла – нет. Не видел его Вовка. Иначе давно бы уже прибежал с воплями, что там двойник Кобейна рассекает.

– Не видел. А кто это?

– Неважно, – отмахнулась девочка, – где книга?

«Вот это память и настойчивость, – восхитился Вовка, – фиг чего забудет, когда ей надо. Кстати».

– Наташечкина, а ты помнишь, что обещала мне на экзаменах?

– Нет. Что?

– Что как только их сдадим, сразу напишешь песню и мы будем репетировать. Я ведь и с клубом уже договорился.

– Блин.

– Ты что, правда забыла?

– Не то, чтобы забыла, – Наташка сделала несколько шагов по комнате и остановилась у окна, – просто я тогда хотела и песню спеть, и сборник стихов выпустить, и на Байкал авто-стопом поехать, в театральное поступить, выучить на гитаре новые песни, научиться водить машину и прыгнуть с парашютом. Вот как-то песня там немного и затерялась, – девочка развела руки в стороны и расхохоталась. Вовка радостно подхватил веселье, надеясь, что Наташка забудет про книгу.

– Ты в своём репертуаре! И что из этого ты правда хочешь? – серьёзно спросил он.

– Не знаю, – девочка перестала мельтешить по комнате и прислонилась к подоконнику. Я хочу разобраться со своими снами, узнать больше про огонь и выяснить, кто такой этот Саша. Вов, ну будь другом, спроси своих, а?

– Подожди. А песня? А репетиция?

– Саша. Светленький такой, – продолжала девочка, – зашёл сегодня в твой двор.

– О, Боже мой! – Вовка картинно потёр виски. – Узнаю я про твоего Сашу, узнаю. Только перестань. Ты мёртвого достанешь, в курсе?

– Вот сейчас вообще не смешно, – поморщилась девочка, – и песни я пока писать не хочу. Или не могу, не знаю. Не пишется и всё тут.

– Как это?

– Вот так. Ни строчки придумать не могу, самой странно. Ещё в марте было столько идей, мыслей, а записать ничего не успела. Думала, какая разница. Всегда ведь хорошо идёт, можно попозже к этому вернуться. А ни фига. Не прёт больше.

– Наташ, давай возьмём твои зимние стихи? Я так поиграть хочу! Может на конкурс какой попадем, а?

– Ну какие зимние, ты о чём? – возмутилась девочка. – Они ведь старые. От них даже пахнет чем-то протухшим, как от воды в мёртвом ручье.

– В каком ручье? – удивился Вовка.

– В таком, – отмахнулась девочка, – где книга? Хватит меня за уши водить.

– Нет книги, – вздохнул парень и мысленно скрестил пальцы, – бабушка спит и просила её не беспокоить. Завтра, хорошо?

– Ладно, – кивнула девочка, – только не забудь, пожалуйста. Она мне про неё лет пять назад много рассказывала, да я не поняла тогда ничего. Чувствую, что сейчас мне позарез нужна эта информация.

– Не забуду. Пойдём на улицу?

Люська, услышав заветное слово тут же оживилась, всколыхнулась, и ловко спрыгнула с дивана на лету подхватив поводок с ручки шифоньера.

– Циркачка, не иначе, – присвистнул Вовка, – ты её научила?

– Нет, конечно, – улыбнулась девочка, – она и сама многое может. Идём. Может успеем закат сфотать!

#

Наташка сидела на подоконнике подперев голову кулачком, прокручивая в голове события последнего месяца. В тот тёплый июньский вечер они с Вовкой долго гуляли и много разговаривали. Набредли на необычную полянку в лесу, где росли красивые жёлтые цветы. Наблюдали за хитрой вороной, которая неторопливо прохаживалась по массивному пеньку, держа в клюве маленький кусочек спелой дыни. Фотографировали мягкие лучи заката. И ветки пушистых сосен в розовых бликах. И Наташку среди цветов. И Вовку рядом со старым пнём. И Люську в кустах чертополоха. И смеялись, и вспоминали прошлогодною малину и прыжки в ледяном ручье. Купаться там было невозможно из-за холода, окунаться тоже. Вот ребята и придумали прыгать у берега. Как будто закалялись. Потом девочка снова вспомнила про свои сны, огонь, крысу и собаку. Но связать в одну ниточку все эти обрывки так и не смогла. Надеялась, что вот завтра парень принесёт ей книгу и многое встанет на свои места. Но всё рухнуло и разбилось вдребезги.

Вовкина бабушка больше не проснулась. Седой врач, сморщенный, как печёное яблоко, тихо сказал: «Сердце». Вовка не верил. Как такое возможно? Ещё полдня назад всё было прекрасно, и вдруг – сердце. Что сердце? У всех сердце. Почему она? Почему сейчас? Он столько

хотел спросить у неё. Поговорить. Рассказать. Посоветоваться насчёт Наташки, в конце концов. А пирожки с морковкой теперь кто будет стряпать? А пшённую кашу с луком варить? Варенье из кабачков делать? Вовка в тот миг вдруг почувствовал себя таким маленьким, как будто ему снова пять и отец молча уносит его, кричащего, из квартиры. От любимой мамочки, которая перестала моргать и отвечать мальчику на слёзное: «Я лублу тебя, лублу, сышишь? Вставай! Давай! Апа, стой. Велни. Мама!»

Тогда никто не встал, не утешил и не ответил на вопросы зарёванного ребёнка, кроме бабушки. Она прижала к себе дрожащего малыша и тихо напевала: «Тиш, тише, тише. Петухи сидят на крыше. Ты будь подальше от воды. Себя от горя сбереги».

Отца с тех пор парень больше не видел. Рос с бабушкой и дедом. И прекрасно рос, надо сказать. Пока однажды в августе не случилась нелепая автокатастрофа. Дед погиб на месте, а ба осталась сидеть в инвалидном кресле. Она тогда сказала странную фразу, что навсегда врезалась в память мальчика: «Огненное наказание ждало своего времени. Металл настиг меня раньше, чем я думала».

Что это значит парень не знал. Как собрать себя в кучу – тоже. Но он пытался быть сильным. Всё-таки единственный мужчина в семье. За бабушкой уход. Деда похоронить. Народу почти не было. Пара соседей и Наташкина семья. Вот и всё. Потом Вовка немного пришёл в себя, увлёкся барабанами и походами в лес с девочкой. Про отца ба не вспоминала, но говорила, что раз в год он переводит хорошую сумму денег на счёт. Плюс пособие и пенсия. Хорошо получалось. Не голодали и даже на отдых копили. Бабушка в горы хотела. Парень тихонько журил её за авантюрный дух и предлагал погреться на солнышке у моря. На что бабушка категорично отказывалась и стояла на своём. Поездку планировали в июле. Вовка хотел в августе и ещё просил взять Наташку с собой. Но ба отрезала – нельзя. И даже не спрашивай почему. Вовка знал этот взгляд и твёрдый тон, поэтому не спрашивал. В июле, так в июле. Не съездили. И что теперь? До восемнадцати ещё три года...

##

Наташка лихо припарковала машину и, схватив несколько огромных пакетов, быстро залетела в подъезд.

– Мам, мам. Помоги скорей, опаздываю, – закричала девушка, скидывая на ходу кроссовки и бросая на пол вещи. – Люська, это не тебе. Нельзя. Фу, – сказала она любопытной собачке, которая уже засунула свой маленький нос во все сумки.

Фу. Что это ещё за фу?

Люська возмущённо уставилась на хозяйку. Как это «нельзя»? Как может быть «нельзя», когда столько нового и интересного?

– Мам, ну где ты?

Тишина.

– А где все? – удивлённо спросила Наташка у собаки.

Люська вильнула хвостом, гордо подняла морду вверх и медленно, с королевским достоинством, удалилась в комнату.

– Царская особа, не иначе, – фыркнула девушка и, зайдя на кухню, вцепилась в листок, лежащий на столе.

«Дочь, мы уехали встречать дядю Пашу. У него есть новости про Володеньку. Жди, скоро будем. Не волнуйся. Мама».

Не волнуйся. Да как можно не волноваться после такой записки? Наташка подпрыгнула на месте и от избытка эмоций громко зарычала. Вовку она не видела 5 лет. Выплакала все глаза, написала сотню стихов, песен. Ах, как бы она хотела вернуть тот день, когда он просил её

начать репетировать. Всё ждала, что скоро он вернётся и она скажет: «Смотри! У меня столько материала, давай играть, давай!»

А он улыбнётся так счастливо, и глаза загорятся тем чистым светом, который был только у него – и снова всё будет хорошо. Как раньше. Тот день, когда пришёл незнакомый дядя Паша, Наталья запомнила на всю жизнь. Как выяснилось, Вовкин отец давно умер и родители девочки начали готовить документы на усыновление мальчика. В детдоме не бывает хорошо. Но тут выяснилось, что у Вовкиного отца есть брат. На похороны не успел приехать, слишком поздно узнал. Но за парнем явился, как тут и был.

Наташка смотрела на него и молилась, чтобы он остался жить здесь, с Вовкой.

– Не получится, – угрюмо сказал друг и опустил голову, закрыв глаза.

– Да почему нет, почему? – нервно закричала девочка, яростно пиная старый дуб.

Ребята встретились на поляне. Как сказал парень – на последний разговор.

– Да потому. Семья у него. Собака. Куры. Свины. Слушай, оставь уже дерево в покое.

– О, господи, – закатила глаза девочка, – и что ты будешь делать в этой деревне, а? А я.

Я? Я что буду делать без тебя? Как жить?

– Нат, кто бы знал, а?

– Прости. Прости меня, Вовочка, – взмолилась девочка, наспех вытирая слёзы и обнимая его за плечи.

– Всё нормально, правда. Только я уже совсем не такой, как раньше, понимаешь? – грустно сказал парень.

– Такой же. Просто тебе больно очень. Ты справишься, переживёшь. Я рядом, слышишь? Всегда буду рядом, хочу быть. Ну Вова, сделай что-нибудь, не уезжай.

– Не могу. И, знаешь, не хочу. Мне правда больно, очень. Не знаю, как это пережить и лучше постараться забыть обо всём.

– Да что ты такое говоришь. О чём это – обо всём?

– О городе этом. О доме дурачком. Соседях. Маме. Дедушке... Ба... Пусть всё останется в прошлом, я буду дальше жить. Как будто только родился, вот такой, с разбитым сердцем.

Наташка молча прижала ладонь к его груди:

– Ты справишься. Ты и с этим справишься тоже. Что мне сделать?

– Забыть меня, – глухо сказал парень, – просто забудь и не ищи никогда.

– Да ты что? – раскрыв рот, вытаращила глаза девочка. – Как?

– Молча. Нет больше твоего друга Вовки. Весёлого и доброго парня. Нет его. Кончился. Есть Владимир Дмитриевич. Мерзкий и бессердечный тип. Тебе с таким не по пути, поняла?

– Нет. И не собираюсь понимать. Не смей прятать моего лучшего друга. Он есть и всегда будет, – топнула ногой Наташка.

– Не будет. Его больше нет, слышишь?

– Не слышу и не хочу ничего слышать, – завизжала девочка.

– Как знаешь, – пожал плечами Вовка. – Прощай.

И быстрым шагом пошел прочь. Навсегда ведь пошёл, Наташка чувствовала это. Ни крики её, ни шишки, летящие ему вслед – ничто не остановило его. И в тот миг сердце девочки расколослось внутри. И руки стали холодными. И уши. И даже кости словно покрылись коркой льда. И Наташка тоже решила закончиться и стать другой. Такой, которая сможет пережить всё это и справиться с тем, что происходило. Ровно пару минут она простояла, как истукан, представляя, как станет холодной, до невозможности прекрасной и будет петь с красивой сцены грустные песни. Без единой слезинки. Ни одна ресничка её не дрогнет. Слышишь, Вовка? Ни одна! И будет девушка отшивать всех парней. И друзей. У снежных королей не бывает друзей. И больше не будет никогда.

А потом на плечо к Наташке села ворона. Серая. И посмотрела на неё внимательно. И вздохнула грустно. И достав из-под крыла спелый, сочный, оранжевый персик – протянула девочке. И тихо каркнула: «Кар-Онь-Кар-Гонь!»

Наташка выдохнула. И вместе с этим выдохом ушёл весь холод из её тела. И все мысли, все картинки о страданиях и невыносимом будущем, тоже ушли. Девочка взяла персик, понюхала его, улыбнулась и сказала:

– Вкусно пахнет, спасибо, – откусила и зажмурилась от удовольствия.

Сладкий сок нежно растёкся во рту и медленно побежал по тёплой шее. Наташка могла поклясться, что ворона в этот момент улыбнулась ей.

– Гонь, – задумчиво сказала девочка, – что ты имеешь в виду, огонь?

– Кар! – важно издала ворона и подмигнула.

– Огонь-огонь. То, что меня спасает, будоражит и ставит в тупик... Ладно, всему своё время, я сегодня слишком устала, чтобы думать ещё и об этом. Пойдёшь со мной? – спросила девочка птицу, пытаясь отряхнуть руки от липких капель.

Ворона аккуратно взмыла вверх, на прощание взмахнув крылом. Наташка помахала ей в ответ рукой и медленно пошла домой.

– Кар-Кар. Гонь. Зы. Кар-Кар. Ба, – тихо доносилось из леса ей вслед.

Часть вторая. Совсем непонятная.

Глава 1.

Когда деревья были большими и зелёными, приложения такси казались чем-то фантастическим. Подумайте сами – это ли не чудо? Ткнуть пару раз на экране смартфона и через несколько минут уныло встречать грязную «Тойоту» с раздражённым хмурым типом. Почему уныло? Потому что заранее знаешь, что приедет такое нечто, что вообще не обрадует. А то, что быстро – так и что в этом такого? Норма. А вот вы подумайте, на унылость легко цепляется и хмуристь, и пыль, и тоска. Что посеешь, то и пожнёшь. Водители такси старых времён нутром понимали смысл этой поговорки.

Итак. Когда деревья были большими и зелёными, в природе существовали рации и антенны, которые с точки зрения нынешней молодёжи, использовались в странных сферах. Заявки в такси принимались в режиме реального времени, а водители распределялись по адресам вполне себе живым диспетчером. Как правило, находящимся в слегка (мягко говоря) нервном состоянии. Ибо быть промежуточным звеном между вечно спешащими пассажирами и хаотично снующими водителями – это словно пытаться подружить лёд и пламя. При этом оставшись в здравом уме, но с хлипкой нервной системой. Такая работа требовала железного хладнокровия, наглого спокойствия и морозной головы. Как вы понимаете, буквально работа мечты для одной нашей старой знакомой.

##

- Наталья Александровна, борщ будете? – заискивающе спросила стажёрка.
 - Буду, – нервно бросила девушка и громко сказала в пыльную рацию, – один сто восемь.
 - Сто восемь, я, – бодро отозвался мужской голос.
 - Пассажир третий раз звонит. Ты пешком до Балябина добираться?
 - Нет, командир. Колесо пробил, пять минут и на месте.
 - Знаю я твоё колесо, – буркнула Наташка, хватаясь одновременно за две трубки телефона.
 - Такси 20 год, слушаю. Минутку. Минутку.
 - Один пять.
 - Пять шесть.
 - Семь восемь.
 - Три четыре.
 - Одиин один-одинёшенек, – наперебой раздавались голоса из хрипящей чёрной коробки.
 - Секунду всем, – крикнула Наташка в рацию.
 - «Кунду, кунду», – эхом отозвался ехидный голосок.
 - Да, да. Ленина 127, третий. 10 минут. До свидания.
- Девушка от злости и усталости со всей силы шандарахнула кулаком по столу. Старые доски затрещали и в тот же миг, ножки, не выдержав напора, согнулись пополам. Как в замедленной съёмке девушка схватила в руки монитор и пепельницу со стола. Мерзкая говорящая коробочка чёрной рации внезапно пустила колечки дыма, истерично крякнула по-лягушачьи и начала тлеть оранжевым пламенем. Три телефона рухнули на пушистый ковёр и жалобно бряцнули. Клавиатура, зависнув в смешном сальто, бухнулась сверху. Бам. Буц. Тыдыщ.- Один один-одинёшенек, – завёл визгливый голос, – ответьте мне. – Один один...

– Одинёшенек, – ехидно передразнил его мужской голос из-за угла, – я выживу, если сейчас зайду?

– Наталья Александровна, борща не было, взяла рассольник, – бодро затараторила стажёрка, заходя через служебный вход. – Ой, а что это здесь случилось?

– Ненавижу рассольник, – прошипела Наташка и подскочила на месте. Сердце билось за ушами, раскалёнными ладонями она коснулась лба и вдруг нервно обернулась, вспомнив о мужском голосе.

– Чего надо? – безумно вежливо спросила она.

– Спокойствие, только не убивай меня! – нагло усмехнулся мужчина и приподняв бровь, настороженно уставился на девушку. В ледяных глазах мерцало удивление.

– Рассольник, – робко повторила стажёрка.

– Два пять.

– Восемь четыре.

– Один один...

– Одинёшенек, – буркнула Наташка и взяла наконец рацию в руки:

– Секунду, у меня ЧП. Тишина.

– Я – Александр. Сто восьмой, – протянул руку мужчина и вдруг смущённо улыбнулся.

– А так и не скажешь, – зашептала стажёрка.

«Восьмой. Просто восьмой», – подумала Наташка.

Мужская ладонь была ледяной и пожар, пылающий у неё во всех клетках тела, погас. Дыхание выровнялось, движения стали плавными, как во сне. Мизинчиком девушка дотронулась до своего носа – прохладный. «Как у собаки», – мелькнуло в голове.

Сто восьмой нахмурился, пальцами потёр мочку уха и недоумённо уставился на девушку.

Тем временем стажёрка притащила старую тумбочку и радостно водрузила на неё телефоны, монитор, пепельницу и две миски супа рядом. Бульон покрылся крупными кольцами жира, а поверх крупно нарезанного картофеля, вальяжно расположился рыжий кудрявый волос.

– Фу, блин, – скривилась Наташка, – убери эту гадость.

Сто восьмой молча сгрёб обе тарелки в мусорное ведро и жестом фокусника поставил на стол свежие кексы с кокосом, три стакана ароматного кофе и пачку арахиса в карамельной глазури.

– Угощайтесь, девочки, – подмигнул он и не дожидаясь ответа, вонзил зубы в нежную мякоть выпечки.

– Ой, спасибо! Вы как волшебник! – радостно защебетала практикантка и всплеснула руками, словно школьница на новогодней ёлке.

– Тшш, – Наташка взяла себя в руки и под села к рации.

– Единица.

– 100, «Калинка».

– Поставила. Восемь четыре.

– Звоните.

– Звоню. Давай, – кивнула она стажёрке.

– Я Аня, вообще-то, – надулась та и одновременно состроила глазки сто восьмому.

– Однако, – хмыкнул Александр и осторожно пододвинул кофе. – Наташ, ты ведь любишь?

– Ты-то откуда знаешь, – отмахнулась от него она, – два пять.

– Два пять – 130, «Рынок».

– Первый.

– Слышал. Ты вчера ребятам говорила.

Наташка отложила рацию и с наслаждением откусила кусочек кекса.

– Ммм, вкусно! И кофе ничего, – поставила стакан и внимательно посмотрела на мужчину. – Саша.

– Я, – подмигнул он ей.

– Домой меня отвезёшь, – не то спросила, не то скомандовала она.

– Отвезу, – ровно сказал сто восьмой.

– А меня? – прищурилась стажёрка.

Наталья молча посмотрела на неё и девушка бочком попятилась из комнаты.

– Хотя, я и сама дойду, не переживайте!

– Делать нам больше нечего, как переживать за взрослую дылду, – пробурчала Ната, одновременно отвечая на телефон.

– Такси 20 год, слушаю. Да. Пять минут. Адрес.

Сто восьмой внимательно наблюдал за ней. Вот она быстро положила трубку на базу и в ту же секунду схватила рацию.

– Один пять шесть.

Хмурится. А глаза весёлые. Ковыряет носком кроссовка старый линолиум и зачем-то иногда трогает нос указательным пальцем.

– Пять шесть.

– Белорусская 23, пятый.

– Поймал. Через две минуты звоните.

– Звоню.

– Провалиться не боишься? – ехидно спросил Сашка, закуривая сигарету.

– Куда? – удивлённо уставилась на него Наташка, набирая номер на мобильнике.

– Кто знает, что там под этими древними полами, – развёл руками сто восьмой, взглядом показывая ей на протёртую часть под кроссовком.

– Серая «Тойота» 359, выходите. Пожалуйста, до свидания, – сказала Наталья в трубку и недоумённо присела на корточки.

– Ого. Как так-то? Там ведь реально что-то виднеется, – и подковырнула остатки бывшего покрытия.

– Давай, ломай, не жалея, – подначивающим тоном сказал Сашка. – Сколько у тебя времени до конца смены?

– 15 часов.

– Да ладно, – хмыкнул он, доставая из кармана вибрирующий сотовый и выходя в другую комнату. – Да. Нет. Занят. Ты сам решил, назад дороги нет. День тебе сроку. Какие проценты? Отдыхай. Всё.

– Содержательный разговор, – хмыкнула Наташка.

– Я думал, ты уже заканчиваешь, раз сагитировала меня быть твоим извозчиком, – ответил Сашка, проигнорировав её фразу.

– Глядя на тебя, я бы сказала – перевозчиком.

И впрямь. Сашка до ужаса был похож на Джейсона Стетхема. Тот же пронзительный взгляд. Решителен, уверен, собран, напряжён. И в то же время, возмутительно спокоен и расслаблен.

– А «Форсаж» любишь? – невпопад спросил сто восьмой, гремя какими-то железками в углу.

– Спрашивашь! – закивала Наташка, ножом ковыряя дырку в старых досках.

– А Кобейна?

– Так. Он мой, понял?

– Понял. Но мне тоже нравится. Ладно?

– Ладно, – пропыхтела Наташка.

– Что ты здесь... – начал Сашка, выходя из-за ширмы и обрывая сам себя на полуслове, – охренеть.

Да. Другими словами здесь и сказать было нельзя. Наташка отодвинула в угол стол, стулья и в буквальном смысле распотрошила часть пола. Слева лежали растёрзанные куски линолиума и обломки старых досок. Справа большая куча старых измятых газет и синих тряпок. Сама девушка стояла на коленях и заглядывала куда-то вниз, в дыру.

– Саш, ты только посмотри!

– Смотрю, – он ошарашенно уставился на эту чудную картину.

– У тебя есть фонарик? Там что-то есть, ничего не вижу.

– В машине. Сейчас принесу.

Наташка села прямо на грязный пол: «Кто бы мог подумать, что в этом офисе есть что-то интересненькое?». Она потёрла руки от предвкушения.

– Ты что, уже кого-то замочила, пока я ходил? – расхохотался сто восьмой, устраиваясь рядом с ней и включая небольшой фонарик.

– Что за странные мысли?

– Вид у тебя больно кровожадный. А если честно, о чём ты сейчас думала? – Сашка убрал ещё пару досок и направил луч в самую тьму.

– Честно? Я думала, вдруг, как в сказке – мы сейчас найдем что-то интересненькое!

– Например, старую банку чая, – сказал Сашка, подсвечивая пожелтевшую жестянку.

– Дай мне! – нетерпеливо сказала Наташка. – А это что за кнопочка?

– Что за кнопочка? – искренне удивился сто восьмой, – нет там никаких кнопочек. Тумблер включить/выключить и всё.

– Да вот же, – сказала Наташка и нажала её. Свет померк. Потом зажглась яркая лампа. Раздался дикий свист. И снова темнота.

– Саша, Саш! – позвала она. Тишина.

Девушка робко нажала тумблер «включить» и тонким лучом фонаря забродила по сто-ронам.

– В глаза не свети, – раздражённо сказал Сашка.

– О. Ты здесь! – обрадовалась Наташка.

– Где мне ещё быть. К сожалению, – он потёр затылок и подумал, что зря сегодня вышел на смену. Лучше бы делами занялся.

– Что случилось-то? Пробки выбило? – спросила Наталья.

– Какие пробки? Ты оглядись, – развел он руками. – Ничего странного не замечаешь?

– Ничего, – сказала Натка и посмотрела внимательней. – Охренеть.

– Именно, – сказал сто восьмой и облокотился на ствол могучего дуба.

Дуб. Какой, ко всем лучшим, дуб? В офисном помещении на окраине города?

– Можно сказать: «Ну мы и дали дуба!» или это будет слишком коряво? – усмехнулся Сашка.

– Подожди ты. Надо во всём разобраться, – сказала Наташка, подскочила на месте и в тот же миг оказалась в крепких объятьях сто восьмого.

– Стоять, – твёрдо сказал он.

– Почему? – забарахталась девушка, – ничего не видно, непонятно, пусти.

– Стоять на месте, – повторил он. – Ты сначала делаешь, а потом думаешь. Так не пойдёт. Сейчас куда-нибудь наступишь и провалишься в Зарнию. Или дракона какого-нибудь призовёшь.

– Ты чего?

– Ничего. Я уже ничему не удивлюсь, Наташа.

– Ну, Саша, – заныла девушка, – отпусти. У меня уже ноги чешутся и руки зудят.

– Не Сашкай. Давай сначала осмотримся. Потом подумаем. Потом решим, что делать дальше. Потом я тебя отпущу.

– Ага. Через сто тысяч миллионов световых лет, – буркнула девушка, но силы были не равны. К тому же, небольшое зерно здравого смысла в его словах было.

– Небольшое? – ехидно поднял одну бровь Сашка.

– Я это про себя, не тебе, – увернулась Наташка, – ладно. Отпусти, я не буду никуда лезть.

– Стоишь на месте, ладно?

– Ладно, – мирно сказала девушка и подумала, что там видно будет по обстоятельствам.

Под ногами твёрдая почва. Именно почва, не дощатый пол, наспех обитый линолиумом. Так хотелось нагнуться и потрогать его – мягкий? Влажный? Мох? Гранит?

– Наталья, ты обещала, – свёл брови Сашка.

– Ничего не делаю, никуда не лезу. Ты что, мысли мои читаешь?

– Просто примус починаю, да? – хмыкнул он. – У тебя на лице всё написано.

– Так прям и всё, – заспорила она.

– Смотри, – Сашка навёл фонарь на то место, где раньше было окно.

Сейчас там нагло росли высокие кусты шиповника. На колючих ветках уютно устроились небольшие тёмно-бордовые ягоды.

– С ума сойти! – ахнула девушка. – А, что если...

– Стоять. Наташа, – предостерегающе сказал сто восьмой, – пожалуйста.

– Я только на корточки присяду и всё, – затараторила Наталья, – ножки устали. Трогать ничего не буду, никуда не лезу.

Продолжая щебетать она быстренько потрогала сырую землю. Земля. Обалдеть.

Сашка издал протяжный вздох:

– Н-да. Ну мы и влипли.

– Что сразу влипли-то? Смотри, как круто получилось! – довольно обвела руками Наталью, как будто сама лично вот это всё сотворила.

– Делать-то чего теперь? – пригорюнился Сашка, размахивая телефоном и пытаясь поймать сигнал. – Связи нет.

– Эх, ты. Тоже мне, Стетхем. Он бы точно здесь не растерялся, – фыркнула девушка.

– Конечно. Он в любой момент может сказать: «Стоп, сценариста на мыло», – подмигнул сто восьмой и неожиданно громко расхохотался.

– Ты что?

Но Сашка не отвечал. Обхватил себя руками за бока и буквально сложился пополам от дикого хохота. Звучало это поистине жутко. Как будто в огромном туннеле грохотал поезд на ржавых рельсах.

– Да уж, – вздохнула Натка, – каждый справляется, как может.

– С чем справляется? – отдышавшись спросил сто восьмой. Он жадно набирал воздух в живот и смешно раздувал ноздри, словно собака, вылезшая из воды.

– Со стрессом, Саша. Со стрессом.

– Да ладно. Тоже мне стресс, – фыркнул он, – за кого ты меня вообще принимаешь?

– Тшш, – зашипела девушка, всматриваясь во тьму.

– Что там?

Они услышали шелест крыльев и заметили приближающийся маленький огонёк. Наталья тут же выпрямилась и сжала руки в кулаки. Сашка молча задвинул её за свою спину. Наталья так же молча вышла оттуда и выразительно посмотрела.

– Ох, ну что вы, – картинно схватился он за голову, – Мисс-Рыцарь, я пасую перед вами.

– Не паясничай, – оборвала она его и сделала несколько осторожных шагов вперёд.

Огонёк уже был на расстоянии метра. Наталья присмотрелась и увидела небольшую птицу, которая уселась на ветку дерева. Свечение исходило от неё. Точнее, от янтарных глаз и свечи, зажатой в клюве.

– Что это? Посланник света? – насмешливо сказал Сашка.

– Смотри. Это же ворона! – обрадованно воскликнула девушка, подпрыгивая на месте. – Ворона!

– Ворона. Ну и что?

– Кыс-кыс-кыс! – позвала Наташка.

– Она тебе что, кошка? – покрутил пальцем у виска сто восьмой. – Гули-гули-гули.

– Ещё не лучше, – закатила глаза девушка, – у неё в клюве свеча или мне кажется?

– Вот. Шикарная фраза: «Мне кажется». В неё легко можно завернуть последний час.

Тем временем, ворона неторопливо опустилась на землю и совершенно человеческим жестом прислонила огарок свечи к старому дубу. Секунду подумав, покачав головой из стороны в сторону, достала из-под крыла небольшой свёрток и примостила его рядышком. После чего посмотрела Наталье прямо в глаза и тихо каркнула: Кар-Гонь! Кар-Зы!

– Гонь-гонь, – растерянно забормотала Наташка, мысленно подсчитывая, сколько лет назад она впервые встретила эту ворону. И эту ли? А сколько вообще они живут? А может у них есть какой-то особый клан?

Ворона подмигнула ей оранжевой бусинкой глаза и с чистым королевским достоинством грациозно взвилась вверх, медленно растворяясь во тьме. На Сашку она даже не взглянула. «Кар-Ба, Кар-Зы, Гонь-Гонь», – услышали они тихое эхо.

– Охренеть, – сказал сто восьмой, – ты что, с ней знакома?

– С чего ты взял?

– Она так на тебя смотрела, – развел он руками.

– Так – это как?

– Как смотрят на старых знакомых, – раздражённо сказал Сашка.

– Подожди, – отмахнулась девушка и наклонилась над свёртком.

– Что там?

– Еда и вода, – удивлённо сказала она, доставая две маленькие бутылочки с прозрачной жидкостью, батон белого хлеба, небольшую горсть винограда, пару персиков, четыре банана, брикет сыра, баночку мёда, пакет молока, кулёк грецких орехов, льняной мешочек с красными яблоками, несколько плиток чёрного шоколада, два огромных запечённых куриных бедра в фольге, бидон с апельсиновым соком, малиновый джем, сливочное масло, две крошечные вилочки чёрного цвета. Металлические! Две тарелки им под стать и три гранёных стакана.

– У тебя там что, скатерть-самобранка? – нахмурился Сашка. – Откуда ты всё это мечешь на землю?

Наташка и впрямь, все найденные на дне свёртка сокровища выкладывала прямо на землю, где стояла.

– Оттуда, – развела она руками, тщательно ощупывая дно, – там что-то ещё есть.

– Пара слонов и жираф? – хохотнул сто восьмой. – Давай я проверю?

– Не надо, – отмахнулась Наталья, – здесь ключ, блокнот и пара карандашей.

Она подставила чуть ближе к свету свои находки и внимательно провела пальцем по маленьким иероглифам на ключе.

– Ты знаешь китайский?

– Пока нет, – машинально ответила она и открыла первую страницу блокнота. Таблица с иероглифами. Девушка пролистала дальше. Несколько листов были вдоль и поперёк заняты разнообразными схемами и записями на китайском. Прочитать там можно было ровным счётом – ничего.

– Смотри! – ткнул пальцем куда-то в центр Сашка, – здесь написано по-русски: «Н».

– Ага. Или это английская «эйч». Или просто какие-то палочки. Кто знает.
– Да ты что. Это стопроцентов ты: «Н» – Наталья.
– Ничего не понимаю, – девушка нахмурилась и протянула Сашке стакан, – налей сок, пожалуйста.

Он молча нацедил на доньшке. Сначала понюхал оранжевую, вкусно пахнущую жидкость. Потом капнул себе на мизинец. Лизнул.

– О, Господи, – вздохнула Наталья, – просто налей. Пить хочу.
– Подожди. Помнишь, как Алиса¹ начала уменьшаться?
– Мы не в сказке, – мрачно сказала девушка, быстро наливая себе стакан сока и залпом выпивая его на глазах изумлённого мужчины. Ей-Богу, он даже моргнуть не успел.
– Видишь, – похлопала себя Наташка по рукам и голове. – Со мной всё в порядке.
– Посмотрим-посмотрим, – пробурчал сто восьмой и потеревив себя за ухо вдруг спросил, – а помнишь Страшилу²?

– Элли?
– Ну да. Там в одной из книг им помогала ворона. Она принесла виноград в клюве и все в итоге выжили, добрались до города.

– Н-да уж, – хмыкнула девушка, – судя по этому количеству провизии нас снарядили в грандиозный поход, не иначе.

– Да подожди ты, – замахал руками Сашка, – в той сказке у ягод было ещё какое-то свойство, вспоминай.

– Что именно?
– Какие-то способности давали?
– Ага. В темноте бегать в туалет и об косяки не ударяться, – хмыкнула Наталья и вдруг быстро подняла блокнот с земли, радостно распахнула его и замерла.

– Нет. Китайский язык я после стакана сока не выучила. Всё так же ничего непонятно.
– Разберёмся, – спокойно сказал Сашка и положил руку ей на плечо, – разберёмся, поверь мне.

– Верю, – тихо сказала девушка.

В его присутствии ей было непривычно. Во-первых, она и знала-то его всего ничего. Во-вторых, у неё были странно-знакомые ощущения. Она как будто плыла где-то по невидимым волнам. Мозг, как в тумане. Движения плавные, медленные. Даже голос тише стал. И руки прохладные у него. Хорошо. Руки прохладные? Внезапно в сердце забрезжил намёк на какую-то мысль, но тут Сашка так резко и неожиданно ударил рукой по стволу, что девушка вздрогнула и тут же забыла, о чём думала секунду назад.

– Ты чего? – подпрыгнула она на месте.

– Тшш, – многозначительно зашипел он.

Раздался раскат грома и с неба предательски капнула холодная капля дождя.

– До этой секунды я ещё тешила себя мыслью, что мы просто под полами офиса. В каком-нибудь дурацком подвале, где растут деревья, шиповник и летают вороны, – раздражённо сказала Наталья, – но сейчас последние сомнения исчезли. Сашка-дождь-призывающий. Что делать-то теперь? – стенала девушка, одновременно сметая все находки обратно в свёрток и пытаясь разглядеть, что происходит наверху.

– Я просто хотел проверить, вдруг что-то свалится прямо к нам в руки, – развёл руками сто восьмой.

– По лбу. Не иначе, – фыркнула Натка, запихивая маленький свёрток в большой карман кофты и осторожно беря в левую руку огарок свечи.

¹ Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес»

² А.М. Волков «Волшебник изумрудного города»

– Слушай, а тебе не приходило в голову, что вся эта снедь не влезет обратно? Это же как пытаться затолкать слона в спичечный коробок?

– Вот в этом наше главное отличие. Я долго не думаю, а сразу делаю.

– Долго. Ха! Ты себе льстишь, не правда ли?

– Ненавижу эти манипулятивные приёмчики и фразы. Давай ты будешь упражняться в остроумии в другом месте, – нахмурилась Наталья.

– Прости. Увлёкся, – Сашка примиряюще улыбнулся. – Дай мне, пожалуйста ключ, пусть у меня побудет. И пора осмотреть местность. Будем выбираться отсюда?

– Держи, – девушка протянула ему прохладный ключ. – Как будто у нас есть выбор, выбираться или нет.

– Конечно есть. Мы можем остаться и принять правила этой странной игры. А можем бунтовать, – ответил сто восьмой, вновь пытаясь поймать сотовую связь.

– Я против, – запыхтела Наташка откуда-то сверху.

Сашка быстро задрал голову. Наталья неловко повисла на самой нижней ветке дуба.

– Против чего? – машинально выдал он уже заготовленный вопрос.

– Против правил. Игры. И бунта.

– В смысле? – разинул он рот. – И зачем ты залезла туда? И как?

– Ты же сам сказал, что нужно осмотреться. Вот я и решила, что сверху будет лучше видно.

– На первый взгляд, мысль здравая, – Сашка вновь потёр указательным пальцем мочку уха.

– А я о чём! – радостно воскликнула Наталья.

– А вот дальше выходит полная ерунда.

– Почему это? – сжала зубы девушка.

– Да потому что вокруг нас тьма-тьмуца и дальше своего носа ты ничего не увидишь. Хоть внизу, хоть наверху.

Наталья молчала, пытаясь закинуть ноги, как заправская гимнастка, чтобы ухватиться за ветку и сесть на неё верхом. Висеть было ужасно неудобно. Пальцы на руках затекли, нос и шея жутко чесались, а изо рта того и гляди готовились посыпаться проклятья на сто восьмого.

– К тому же, ты разве умеешь лазить по деревьям? – насмешливо спросил он.

– А что, не видно, как я умею? – огрызнулась Наталья. – У меня всё под контролем.

– Нью-ню.

Сашка устало вздохнул и начал прикидывать, как лучше поступить. Забраться на ветку рядом с девушкой и подтянуть её? А если сил не хватит? А если он не сможет удержаться и будут они висеть уже вдвоём, как перезрелые апельсины. А что если сорвутся? Может попробовать поруководить Натальей снизу, чтобы она сама добралась до ствола?

Бах. Наташка просто прыгнула с ветки и оказалась прямо перед носом сто восьмого.

– С ума сошла! – завопил он. – А если бы ты разбилась? Как можно быть такой недалёковидной?

– Как можно быть таким тормозным и занудным? – передразнила его в ответ Наталья. – Беру обратно свои слова про Стетхема. Он бы точно так не тупил.

– Это ты сама про него придумала, помнишь? – поднял он палец вверх.

– Я ошиблась.

– Ладно тебе, – Сашка заглянул ей в глаза. – Как ты решилась-то? Всё-таки высота приличная.

– Мне пришла в голову мысль, что раз я залезла туда самостоятельно, значит непременно смогу и обратно выбраться. Других вариантов не было.

– Ты меня поражаешь, честное слово, – дёрнул плечом Сашка, поднял огарок свечи и топнул ногой, словно раздосадованный ребёнок. – Больше так не делай, понятно? С этой секунды

ты сначала советуешься со мной, мы вместе думаем, принимаем решение, и только потом – действуем.

– Ага, – кивнула девушка и Сашка облегченно выдохнул. – Как же, – добавила она и хитро ему подмигнула. – Даже не пытайся придумать какой-то план. Со мной это не пройдёт. Пошли.

И она первая храбро ступила во тьму...

Глава 2.

– Владимир Дмитриевич, Питер ждёт, – быстро сказала секретарша и поставила на стол глубокую тарелку, из которой весело выглядывали порезанные соломкой овощи: красный перец, пупырчатый огурец и сочный сельдерей. Чашка кофе со льдом и ломтики брынзы в маленькой жёлтой пиале завершали скромный обед.

– Подождёт, – отмахнулся симпатичный мужчина, – Аня, ты вот лучше скажи, что вам, девушкам, нравится?

– В каком смысле?

– В прямом. Сюрприз хочу своей сделать, – Вовка аппетитно захрустел сладким перцем и прямо в офисном кресле подкатил к окну.

– Сюрпризы разные бывают, – задумалась Анечка, – и не все их любят, между прочим. Вот ваша пассия, как к ним относится?

– Как относится... Да кто её знает, как она к ним относится. Ни разу не делал, а теперь, вот, захотелось!

– А что именно?

– Удивить хочу и порадовать. Например, отправить ей письмо с Карлсоном. Или обычную корзинку фруктов, но чтобы Белая Шапочка принесла.

– Красная, – машинально поправила Анечка.

– Нет, – покачал головой Владимир, – красная – это девочка из сказки. А тут просто белая. Представь: звонок в дверь. Ты открываешь, а там, прямо в воздухе... висит белая шляпа с огромными полями, с которых свисает плетёная корзинка, полная винограда, персиков, бананов и клубники, а? Ты бы удивилась и обрадовалась?

– Однако, – хмыкнула Анечка, медленно пятясь обратно к двери. – Удивилась – это мягко сказано, – она быстро выскользнула в приёмную, хлопнув створкой.

– Так, ладно. Оставим фантазии до лучших времён, – сам себе скомандовал Вовка и сделал большой глоток ледяного напитка, – ммм, хорошо!

Он резко встал и с наслаждением потянулся. Голова сегодня совершенно отказывалась работать и даже долгожданный контракт с Питером не помогал включиться в дела. Ощущения были, как в детстве. Как будто только-только пришла весна, сладко светит солнце, а ты сидишь за школьной партой, предвкушая, как после уроков понесёшься по улицам без шапки и в распахнутой настежь куртке. Дома ждёт сероватое пюре с маленькой котлеткой и свекольный салат. Вечером с пацанами можно погонять мяч и целую неделю смотреть мультики допоздна. Каникулы же! Вовка буквально кожей почувствовал невесомую свободу и прохладный апрельский воздух. Жадно вдохнул его всей грудью, даже не замечая, что последние пять минут стоит у зеркала. Стекло задрожало и подёрнулось рябью. Мужчина громко чертыхнулся.

– Нет уж. Я в ваших шаманских играх отказываюсь быть, ясно?

Он резко подошёл к окну, распахнул его и понюхал сухой, горячий воздух. Всё правильно. Середина июня, полдень. Пик жары и офисного отчаяния. Ни единого намёка на прохладу, апрельскую капель и предстоящий отдых. Как в тот раз, когда они с Наташкой... Так. Стоп. Резко захлопнул раму. Дальше нельзя. Вовка сам себе запретил даже думать о взбалмашной девчонке и самом счастливом отрезке своей жизни.

Он на миг устало прикрыл глаза. Когда их распахнул, то увидел, как за стеклом, на карнизе пятнадцатого этажа медленно расхаживала ворона. Именно так. Расхаживала. Вальяжно переставляя лапки. Поглядывая на него крошечными хитрыми глазами. Крепко держа в клюве маленькую апельсиновую дольку. Право слово, вышагивала она, словно знаменитая модель на подиуме.

– Офигеть, – ошарашенно сказал Вовка, – ты мне напоминаешь одну мою старую знакомую.

Ворона укоризненно посмотрела на него и махнула головой куда-то в сторону.

– Что там? – буднично спросил Вовка, как будто к нему каждый день залетали птицы и делились новостями.

Ворона медленно, из стороны в сторону, повертела дольку апельсина и несколько раз взмахнула крыльями.

– Что? Дразнишь меня? Сдались мне твои апельсины... С детства терпеть не могу цитрусы, – фыркнул Вовка, но от окна не отошёл. Ноги словно приклеились к полу, а взгляд к стеклу. Птица, тем временем, раздражённо прошла по карнизу туда-обратно и замерла напротив него.

– Что тебя от меня надо?

Знаете такое чувство, когда вам ничего не говорят, но очень выразительно думают? Смотрят так внимательно, насквозь? Словно вербально передают свои посылы?

Вот и у Вовки сейчас было такое чёткое ощущение, что птица пыталась ему что-то объяснить. Весьма в раздражённой форме, надо заметить.

– Я не говорю по-птичьи, прости.

Ворона закатила глаза, устало выдохнула и постучала лапой по стеклу.

– Шарады мне никогда не удавались. Ок, гугл, – сказал он в микрофон смартфона, – зачем птица стучит в окно? – ударил себя рукой по лбу, вновь настезь рапахивая створку и бормоча под нос. – Иногда достаточно что-то непонятное проговорить вслух и оно сразу же становится понятным.

Ворона недовольно ступила на деревянный подоконник и закивала головой вниз.

– Сейчас-то что? Пыль вытереть? Полы помыть? – он театрально раставил руки в стороны ладонями вверх и взвыл. – О, Господи. За что мне это!

Ворона тут же взмахнула крыльями, и подлетев к нему, быстро вложила в руку апельсиновую дольку. Вернулась обратно на подоконник, наклонилась и картинно взмахнула крыльями в нелепом реверансе.

– С ума спянуть можно, – прошептал ошарашенный Вовка. – Ты чего, хочешь, чтобы я это съел?

Птица медленно, с достоинством, кивнула.

– Охренеть. Зачем?

Ворона дёрнула головой и махнула клювом куда-то за окно.

– Вот-вот. У меня точно такие же ощущения. Что я схомякаю твое угощение и откачу в мир иной.

На последних словах птица словно взбесилась. Она начала прыгать на месте, как пьяный кузнечик, громко каркать и махать крыльями, словно обезумевший вентилятор в ветряную бурю.

– Ага. Голос, значит, у тебя всё-таки есть, – спокойно сказал Вовка. – Давай тогда договоримся: я задаю вопрос, а ты мне отвечаешь. «Да» – это будет «Кар». «Нет» – «Кар-Кар».

Тот факт, что ворона давно качала макушкой в разные стороны и с ней можно было легко найти общий язык путём жестов, Вовке даже в голову не пришёл.

Птица устало и обречённо сказала: «Кар».

– Отлично! – довольно потёр он руки, – итак. Первый вопрос: ты от меня чего-то хочешь?

– Кар! – процедила ворона, прищурилась и выразительно скосила глаза на огромные настенные часы в виде белоснежного корабля с высоченной мачтой.

– Ладно тебе, не ёрничай, – примирительно сказал Вовка. – Я не каждый день с птицами общаюсь, тем более с такими умными, – подмигнул он ей.

Ворона громко фыркнула и быстро заходила назад-вперёд, недовольно взмахивая крылом на какой-то ведомый только ей счёт.

– Так. Едем дальше. Ты хочешь меня убить?

– Кар-Кар, – птица остановилась на месте и возмущённо уставилась на молодого мужчину. Взгляд говорил громче слов.

– Ты человек? – неожиданно спросил Вовка.

Птица внимательно посмотрела на него, покачала головой и отвернулась.

– Понял. Проехали. Ты хочешь, чтобы я куда-то пошёл?

– Кар.

– Хм. На запад?

Ворона молча уставилась на него.

– А что. Песня есть такая: вперёд! Задраив паруса! Мы гордо держим курс на запад! – музыкально пропел Вовка.

– Кар-Кар, – ответила ворона и подлетев к зеркалу, постучала в него клювом.

– Угу, чичас. Ты хочешь, чтобы я зашёл в зеркало?

– Кар!

– Я что, похож на полного дурака? – спросил Вовка и подумал про себя: «Да. Очень похож».

– Кар-Кар! – быстро ответила ворона и отчаянно замахала крыльями, скорчив жалобную мордочку.

– Кому-то нужна моя помощь? – наугад брякнул Вовка.

– Кар! – громко прокричала птица.

– Хм, – задумался он, сжимая в руке холодную дольку апельсина. Вот ещё одна странность: на улице стояла дикая жара, у него в кабинете уже третий день не фурччил кондиционер, а фрукт был поистине ледяной.

Вовка сделал несколько шагов к окну, открыл створку и зачем-то заглянул вниз. Пусто. Лишь вдали виднелись люди и машины, которые сверху были такие маленькие, что казались игрушечными. Кукольные авто рассекали знойный воздух почище крейсера Авроры на бурных волнах океана.

– Так, – Вовка быстро закрыл окно и вернулся к терпеливо ожидающей его вороне. – Ты хочешь, чтобы я съел эту хрень и зашёл в зеркало?

– Кар! – важно сказала птица и устало уселась на спинку кресла с таким видом, как будто её миссия выполнена.

– Ха! – радостно воскликнул Вовка, словно получил какой-то приз.

– Кар! – брякнула ворона и подлетела к окну, махнув клювом.

– Что, аудиенция окончена? – насмешливо спросил Вовка. – Ты мне больше ничего не хочешь сказать?

– Кар. Кар-Кар. Кар, – занервничала ворона и он подумал, что раньше вот точно так же, его ставила в тупик Наташка своими вопросами, на которые непонятно как надо отвечать.

Странно. Прямо сейчас у него рухнул внутри железный барьер, который он привычно держал последние одиннадцать лет. Он так долго пытался отгородиться от Наташки и своей прошлой жизни, что, кажется, сил больше не осталось. Сердце его забилось чаще, а по коже побежали мурашки.

– А что если моя помощь нужна Натке? – вслух спросил он, – а?

Ворона молча покачала головой и вновь постучала лапой по стеклу.

– Ладно, лети с миром, – Вовка распахнул окно и задумался.

Вообще-то, вся эта история была вполне в Наткином духе. Птицы, зеркала и всякая подобная таинственная ерундистика всегда окружала её, словно невидимая свита.

– Ладно, – повторил он, – будь, что будет. А что, собственно, со мной может случиться? Неужели я правда верю в то, что могу зайти в зеркало? – заржал он с такой натугой, что стало понятно даже чашке холодного кофе на столе: может. Ещё как может.

Вовка подошёл к деревянной раме и заглянул себе в глаза. В них пылали искры огня или это было отражение солнечного света? Игра теней или разума?

– Чёрт бы вас всех побрал! – неведомо кому крикнул Вовка, быстро закинул апельсинку в рот, проглотил её, зажмурился и сделал шаг вперёд...

Глава 3.

Наташка медленно ступала по холодной земле, осторожно раздвигая руками колючие ветки шиповника.

– Ты специально идёшь прямо в заросли? – недовольно сказал Сашка, фыркая, словно промокший под дождём пёс.

– Тебе никто не говорил, что ты похож на собаку? – выпалила Наташка вслух то, что думала.

– Вот спасибо, – надулся сто восьмой, – мне за всю жизнь не говорили и половины того, что ты сегодня выдала. Всё я у тебя на кого-то похож. То на Стетхема, то на собаку.

– И как тебе с этим?

– Да никак.

– Обиделся?

– Нет, – закатил он глаза и шикнул на девушку, – тшш. Смотри влево, в кустах!

– Что там, что? – заволновалась Наташка.

– Дверь какая-то, давай откроем?

– Стой. Зачем нам дверь?

– Как зачем? Выйти куда-нибудь.

– Вот именно, что «куда-нибудь» меня не устраивает. И раз уж мы оказались в таком месте, то вряд ли нам нужна дверь, – упёрлась Наташка.

– В «таком» это каком?

– Волшебном, – тихо сказала Натка, рассматривая деревянную дверь. Она отливала цветом молодой брусники и была испещрена глубокими надписями.

– Тоже мне, волшебном. Подумаешь. Дуб, – пожал плечами сто восьмой. – Я домой хочу.

– Ты серьёзно думаешь, что вот эта дверь приведёт тебя домой? – скептически посмотрела на него Наталья. – Посвети-ка сюда, не могу прочесть.

– Так здесь опять на китайском, – присвистнул Сашка, – ты и при свете не прочтёшь.

– В каком смысле на китайском? – удивилась Натка. – Ты что, не видишь? Написано же по-русски: огонь на тигре. Лошадь сбоку, ищите собаку, пока корабль не вошёл в грязные воды.

Сашка потрогал лоб девушки и заглянул ей в глаза:

– С тобой всё в порядке?

– Нормально, – отмахнулась она.

– Здесь иероглифы непонятные, – провёл он рукой по основательным строчкам, явно оставленным остро заточённым лезвием.

– Буквы. Русские, – упрямо повторила Наталья, – я что, по-твоему, вру?

Сашка с сомнением посмотрел на неё, поморщился. И неожиданно для себя, вытащил ключ, вставил его в замок, быстро повернул вправо и резко распахнул дверь. В ту же секунду в спину ударил сильный ветер, снося их с ног и буквально заталкивая в тёмное помещение. Бух. Дверь захлопнулась, стало тихо и темно.

– Саш, – тихонько позвала Наталья, – ты здесь?

– Здесь, – недовольно пробурчал сто восьмой, – свечу из рук вырвало. Пожалуйста, ничего не трогай и не двигайся.

– Нормально, – от возмущения у Наташки голос зазвенел, как начищенный колокол на рассвете. – Напомнить тебе, кто открыл эту дурацкую дверь, хотя мы вообще-то не собирались этого делать, а?

– А напомнить тебе, как мы вообще оказались в этой заварушке? – зашипел сто восьмой.

«Нет. Не Стетхем. И не собака. Далекое ему», – подумала Наташка и молча зашарила руками вокруг себя. Пальцы наткнулись на плоский выключатель и девушка, безо всяких

сомнений, нажала на него. Под потолком медленно зажглась тусклая жёлтая лампочка, которая осветила маленькие табуретки, со стоящими на них пепельницами, компьютером и рацией.

– Один один, один-одинёше... – на полуслове вдруг захлебнулся мужской голос и затих в хрипевшем динамике.

Наташка молча посмотрела на сто восьмого. Потом за окно. По её коже поползли предательские мурашки, а в животе что-то ухнуло.

– Не понял, – Сашка почесал за ухом. – Как мы тут обратно оказались, а?

– Как бы тебе помягче сказать, – начала Наталья.

– Чего уж там говорить. Давай так: раз всё в порядке, я домой. А ты сама доберёшься, ок?

– Домой это вряд ли, – невинно покачала головой девушка.

– Нет уж, с меня хватит, – замахал руками сто восьмой. – Знать ничего не хочу ни про твоих ворон, ни про тебя. Никогда в жизни больше не выйду с тобой в смену и не зайду в одну комнату.

– Ты сначала из неё выйди, – нервно хохотнула Наташка.

– В смысле?

– В коромысле, – грубо передразнила она его. – Плавать умеешь?

– Нет. А это-то тут... – замолчал он на полуслове, перехватив Натальин взгляд в сторону стекла. Всё бы ничего, но за створкой пластикового окна мирно покачивалась тёмная морская гладь.

– Дверь не трогай, – медленно попросила его Наташка. – Я тоже плавать не умею. Кто знает, что произойдёт, если ты её распахнешь. Вдруг мы потонем?

– Потонем? На чём это, я хотел бы знать, потонем? – заорал сто восьмой. – Что вообще происходит?

– Я знаю столько же, сколько и ты, – пожала плечами девушка и подняла трубку телефона. – Не работает.

– Рация тоже, – забурчал Сашка, крутя настройки чёрной, некогда говорящей коробочки.

– Вот что меня в тебе удивляет, так это две полярности, – завела Наташка. – Ты или бурчишь недовольно, как старый дед. Или верещишь, словно пьяная школьница. У тебя другой спектр эмоций бывает вообще?

– Спектр эмоций, ну надо же. Это ты мне говоришь? Человек, который вообще никогда не думает, – сквасил обиженное выражение лица сто восьмой.

– Эмоции и думанье вообще не связаны, если ты не в курсе, – сказала Наташка, выключая свет и подходя к окну.

– Ты тему не меняй. И что ты вообще делаешь?

– Меньше всего я хочу стоять на одном месте и препираться с тобой. Надо что-то делать, – деловито сказала девушка, вглядываясь в зловещую даль.

– Честно скажу, у меня мороз по коже от твоей фразы, что надо что-то делать, – передёрнулся сто восьмой.

Наташка его не слушала. За окном была тьма-тьмущая. Едва заметно лишь лёгкое покачивание черничного цвета волн. Девушка кинулась к своей сумке, достала из неё телефон – сотовой связи нет. Ну разумеется. Зато фонарик работает. Так. Тонкий луч света пронзил оконное стекло и Наталья удивлённо увидела вдали каменистый берег. Судя по отсутствию света была ночь. Хотя на небе нет ни звёзд, ни луны.

– Что там, что?

– Да ничего, – пожала плечами Наталья. – Темнота и берег вдали.

– Дай посмотреть, – затребовал Сашка и резко шагнул к девушке в тот миг, когда она сделала шаг к нему. Они стукнулись лбами и раздражённо нахмурились.

– Саша.

– Наташа, – непроизвольно вырвалось у них вслух.

– Офигеть, – сказала девушка, – так это ты был в тот раз?

– Я. А где был, когда? – недоумённо нахмурился сто восьмой.

– Когда я заметила, что ты на Курта Кобейна похож, – начала девушка и Сашка тут же взвыл.

– Я тебе обещаю, что если ты меня ещё раз с кем-нибудь сравнишь, я тебе, я тебе, я тебе...

– Что? Что ты мне? – задорно расхохоталась Наташка, – ну ладно. Просто внешнее сходство. Я ведь не говорю, что ты точно такой же. Куда тебе, – уже тихонько пробурчала она себе под нос. Но он, конечно же, услышал.

– О, Господи. За что мне это! – картинно воздел он руки к потолку. – Застрять чёрт знает где, с чёрт знает кем.

– Я с ним не знакома, – невинно сказала Наталья, – не наговаривай лишнего.

– Тшш, – вдруг сказал Сашка, быстро выключил фонарик и ловко задвинул девушку себе за спину.

– Не надо меня трогать, – взбрыкнула Наташка и высунула нос из-за его плеча. – Что там?

– Там свет.

– В конце туннеля?

– Очень смешно, – скривился сто восьмой. – На берегу свет, как будто кто-то фонариком светит.

– Фью, – вдруг присвистнула Наташка, – тогда уж прожектором.

Темноту и впрямь рассекал мощный луч. Он метался из стороны в сторону, словно сбившийся с пути пьяный шмель.

– А вдруг они нас ищут? – прошептала девушка.

– Кто это «они»? – буркнул Сашка.

– Ну они. Те, кто водит этот луч.

– Может там он.

– Да какая разница, – фыркнула Наташка, – вдруг заметит нас и случится что-нибудь плохое?

– Что сразу плохое. Может наоборот, спасут.

– Угу. Потом догонят и ещё раз спасут. Ну-ка, быстро от окна, – жёстко скомандовала она и юркнула за выступ двери. Сто восьмой, на удивление молча, последовал за ней.

В ту же секунду раздалась автоматная очередь. Стекло разбилось вдребезги и они услышали быстро приближающиеся возбуждённые голоса.

– Ты как узнала? – белыми губами спросил Сашка.

– Потом, – отмахнулась Натка, – надо валить отсюда. Слышишь?

Он слышал. Навскидку, десяток мужчин наперебой строчили на чистом китайском. А может японском. Он не был силён в языках и помнил лишь про грейтовскую столицу³. Голоса затихли, а ветер, напротив, завыл со страшной силой. Как будто одинокий зверь в поисках стаи, которой у него никогда не было. Кто-то за окном выкрикнул несколько фраз. Две секунды тишины резко разбила очередная автоматная очередь. Сашка в ужасе вжался в стену, спрятав Наташку за своей спиной. Он заметил несколько быстро приближающихся к ним фигур во тьме.

– Давай сюда, – шепнула Наташка, скрипя половицами. Дёрнула его за руку, куда-то толкнула и сто восьмого ослепило яркое мерцание пополам с низким лязгом. Он зажмурился на миг, подумав: «Наверное – это конец. Где ещё бывает шум и белый свет после пулемётов?»

– Каких пулемётов? – запыхтела Наташка.

– Мы всё, того? – тихо спросил Сашка.

– Чего – того? Глаза-то открой, хватит дрожать.

³ London is the capital of Great Britain

Сашка ущипнул себя за руку. Больно. Медленно приоткрыл глаза. На него укоризненно глядел бронзовый фонарь, под которым они стояли с Наташкой. В паре метров от них блестела тёмная гладь небольшого пруда. Над головой ехидно рассыпались звёзды и мерцала луна. За спиной еле слышно раздавался гул машин.

– Что за чертовщина! – шепнул он. Воскликать сил уже не было.

– Михаил Афанасьевич бы тебя поддержал, как пить дать, – кивнула Наташка и быстро подошла к слегка изогнутой скамье. – Вот прямо на этом месте и поддержал бы! – радостно воскликнула она, уселась на лавочку и с видимым облегчением откинулась на спинку.

Сто восьмой ошарашенно вертел головой по сторонам. Пруд по всему периметру опоясывала небольшая дорожка, с тускло светящими фонарями. Причудливой формы скамейки стояли на неравном расстоянии друг от друга, а в центре виднелась жёлтая лодочная станция.

– А где утки? – спросил он, неожиданно вытаскивая из кармана здоровый ломоть батона.

– О! – несвязно ответила Наташка. – Еда!

И полезла в карман в поисках провизии, переданной вороной. Девушка быстро разложила нехитрый провиант прямо на лавочке, налила в стаканы сок и уже с набитым ртом позвала Сашку:

– Утощайся!

А он всё стоял на месте, хмурясь и что-то бормоча под нос. Рукой проводил перед собой невидимые линии и бессвязно шептал: «Один другого знает наперёд, конура была лишней, искать надо в пятом доме».

«Блин, только бы умом не тронулся. Как ни крути, но одной выпутываться из этой истории совсем не хочется», – тоскливо подумала Наташка.

– Брр, – смешно встряхнул головой сто восьмой, чем вновь напомнил девушке бродячего пса. – Это чего сейчас было?

– Тебе не надоело задавать этот дурацкий вопрос? – радостно выдохнула Натка. – Ешь садись.

– Нет, ну правда? – спросил Сашка, жадно накидываясь на куриное бедро.

– Ты нёс какую-то чепухню. Впрочем, как и всегда, – добавила девушка и звонко расхохоталась. – Прости, прости. У меня стресс. Или истерика, – икнула она.

– Вижу.

– А ты слышал, что говорили те мужики? – быстро переключилась она на одну из причин этого стресса.

– Слышал. Но не понял. Наверное это были воины из Поднебесной.

– Какие воины? – выпучила глаза Наталья.

– Такие. Ты слышала, что они разговаривали на китайском? – Сашка развёл руками, делая большой глоток сока. – Бедный мой желудок, – запричитал он.

– Да подожди ты со своим желудком, ничего ему не будет, – отмахнулась Натка. – Как это – говорили на китайском?

– Как-как. Молча. Точнее, наоборот. Громко.

– Но я ведь чётко слышала, о чём они балакали.

– О чём? – машинально спросил сто восьмой.

– О корабле, собаке, обезьяне и книге. В конце была крыса.

– А говоришь – чётко слышала. Какие-то мутные обрывки фраз.

– Они вот так и говорили – обрывками. Один кричал: «Обезьяна?» А другой: «Книга! Корабль! Крыса!»

– Ерунда какая-то. Зачем они в нас стреляли? – Сашка перевёл дыхание и нервно поёрзал. – И ты как узнала, что надо отойти от окна?

– Без понятия, – пожала плечами Наталья. – Просто возникло ощущение, что нужно срочно валить оттуда, вот и всё.

– Повезло нам, ничего не скажешь.

Наташка молча разглядывала водную гладь. У неё вновь возникло какое-то чувство, похожее на то, что было за минуту до выстрела.

– Что молчишь?

– Саш, подожди, – отмахнулась от него девушка, перелезая через невысокий заборчик и подходя к воде.

Темно. Свет фонаря и луны бросал небольшие отблески на воду, тусклые очертания теней были похожи на небольшие фигурки. Сердце у Наташки забилось чаще, когда она разглядела маленькую крысу, отважно пробирающуюся сквозь настоящий шторм. Впереди неё был виден небольшой прямоугольник, а позади – неровный каменистый берег. Вдруг на воде появилась тень моторной лодки, из которой выглядывало несколько человеческих фигур.

«Это же мы! – подумала Наташка, – вон в том прямоугольнике. А это – те воины, которые на нас напали. А крыса тут при чём? Она нам помогает или нет? И откуда взялся этот мультяшник на воде?»

Столько вопросов и все без ответа.

Глава 4.

Вовка медленно ступил на твёрдую поверхность. Вокруг было тихо и темно. Обернулся – никакого зеркала нет. Во рту блуждал слабый привкус цитруса, который он терпеть не мог, а в голове билась неожиданная мысль: «Сберечь Наташку любой ценой».

Ну что к чему?

Столько лет он гнал прочь от себя все мысли о детстве и этой загадочной девчонке. А вот поди ж ты, как пеленой накрыло. Час прошёл, два? Вовка совершенно потерял счёт времени, он думал о Наташке. На мгновение даже почудилась её тень прямо перед собой, а в воздухе вновь запахло апельсинами. Слегка потянуло ароматом жареного хлеба и яблочного пирога.

Бр-р-р. Он передёрнул плечами и осмотрелся. Темно. Тихо. Как будто зашёл в маленькую кладовую, куда не проникал даже самый тонкий лучик света. И пахнет так неприятно, какой-то сыростью. Аппетитные запахи еды улетучились, словно их и не было. И ещё, у Вовки здесь дико кружилась голова, словно он крутился на бешеной карусели. Внезапно сбоку раздался знакомый собачий лай.

– Люська! – удивлённо воскликнул он. – Это же Люська! Её лай он узнал бы из тысячи, ведь до безумия обожал этого юркого французского бульдога. Сердце предательски защемило, дыхание сбилось.

– Люся, Люсечка! – позвал он и подумал: «Неужели я сейчас увижу Натку?»

Тишина.

«Сама разберусь, сама, сама, сама», – донеслось откуда-то издали.

«Кар-Кар! Кар-Ба!».

«Солнышко моё».

Вовка замер. Это бабушка. Не может быть. Бред какой-то.

«Милый мой, держись подальше от воды. Металл дерево рубит, а огонь воды боится».

– Ушам своим не верю, – Вовка закрыл лицо руками, как будто это что-то меняло. Вокруг по-прежнему была кромешная тьма. Выдохнул. Опустил ладони вниз, вытирая о штаны солёные следы.

Тишина.

«Смотри, это же крыса!»

Наташкин голос. В памяти Вовки отчётливо всплыл тот день. После их небольшой размолвки в лесу он пришёл к ней мириться и девочка показывала интересные картинки на облаках. И крыса там совершенно точно была.

Тишина.

«Ну и катись, катись, катись»...

Вовку зашатало. Он пощупал руками вокруг себя, но пальцы легко схватили пустоту. Попытался сделать шаг вперёд, назад, как будто упёрся в невидимую стену.

«Люська!» – истерично завизжала Наташка и Вовка непроизвольно вздрогнул. Столько боли, страха и отчаяния было в этом крике, что кровь застыла в жилах. Он никогда не слышал, чтобы девочка так кричала.

«Люська», – горько зарыдала Натка и Вовка взвыл от собственного бессилия.

– Наташ, ты меня слышишь? – робко спросил он.

Тишина.

– Кар-Кар! Кар-Ба. Кар.

«Опять эта ворона», – поморщился Вовка. Почему-то он был уверен, что конкретно эта птица женского пола.

– Лошадь береги, – раздался тихий шёпот прямо над его ухом. Мужчина почувствовал чьё-то тёплое дыхание на щеке и непроизвольно покрылся мурашками.

– Какую блин лошадь, кто вы? – собрав всю волю в кулак, спросил он.

– Свою, – ровным тоном продолжил неизвестный.

По тембру было невозможно понять: «Мужчина это или женщина, стар или млад. Жив ли?» – вдруг закралось в голову.

– Нет у меня никакой лошади, – озадаченно сказал он.

– Есть, – твёрдо ответил голос. – Прими и береги. В ней сила твоя, жизнь и смерть.

Вовка ощутил ледяное прикосновение к своей шее и чисто инстинктивно дёрнулся в сторону. Раздался жуткий грохот и тупо занял правый локоть.

– Владимир Дмитриевич, что с вами? – ошарашенно спросила секретарша.

Вовка открыл глаза, поморщился от яркого света и озадаченно оглянулся.

Он сидел на полу в своём кабинете. Рядом валялся опрокинутый офисный стул и разбитая кофейная чашка. Перед ним стояла Анечка с пультом от кондиционера в руках, изо всех сил тараща на него свои тусклые голубые глаза.

– Упал, – коротко ответил он, не желая вдаваться в подробности. Да и в какие, к чёрту сказать, подробности? Как он заснул на работе и провалился в безумные фантазии?

– Что же вы так неосторожно, – запричитала секретарша, – у меня случай был, точнее не у меня, а одна подружка рассказывала, как у её брата двоюродная сестра однажды упала с дивана и сразу насмерть. Какой-то сосуд лопнул или бляшка холестерина забила, я уже и не помню. А я вот, кондиционер вам зашла настроить. Она сказала, что нужно сделать похолоднее.

– Кто «она»? – выхватил Вовка из бестолкового рассказа подозрительное местоимение.

– Дама.

– Какая ещё дама?

– Которая была у вас, – совершенно не проясняя ситуации ответила Анечка.

Что за чёрт. Мало того, что я заснул, так у меня ещё и провалы в памяти.

– Может мы о разных людях говорим? – вкрадчиво спросил Вовка. – Опиши, пожалуйста, как она выглядела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.